

Козловский Иван Семёнович

15.12.94

Век человека

Единственная просьба: немедленно на сцену!

Вер. Москва - 1994 - 15 декабря - 64

Завтра, 16 декабря, в Большом театре состоится вечер, посвященный памяти Ивана Семёновича Козловского.

Вот уже скоро год, как его не стало. Нельзя сказать, что смерть была неожиданной: дай Бог каждому такой век! Я говорю, разумеется, не только о количестве прожитых лет, но прежде всего по существу.

Конечно, для большинства истинных поклонников великого тенора важно было знать, до какой ноты сегодня добрался их кумир. Меня же всегда восхищало естество Козловского, его несуетность, постоянство, обязательность, верность.

Верность Козловского, безусловно, простижала от слова вера. Он был человек глубоко верующий, задолго до того, как стало чути ли не признаком хорошего тона позировать в дни престольных праздников перед камерами и обязательно со свечой.

Впервые я услышал обо всех этих качествах Ивана Семёновича значительно раньше, чем увидел его на сцене. Мне рассказал о них один из последних могикан украинского театра Иван Александрович Марьяненко, племянник выдающегося украинского актера, режиссера и драматурга Марка Лукича Кропивницкого, начавшего карьеру в труппе у своего знаменитого родственника еще в конце прошлого столетия.

Партнер корифеев украинской сцены, Марьяненко в 1915 году организовал и возглавил «Товарищество украинских актеров», куда пригласил Заньковецкую, Саксаганского, Линницкую, а вместе с ними и группу молодых, начинающих актеров.

«...Позже мне посчастливилось привлечь в наш театр тогда совсем молоденького сельского парня-певца, который не имел даже паспорта, а жил, то есть был прописан, по метрическому свидетельству. Говорю — «посчастливилось», потому что позже оказалось, что этот юноша имел незаурядный актерский дар и от природы прекрасный, мягкий, задушевный, необычайно красивый по тембру голос, который за сравни-

тельно короткий срок очень развился и возмужал. В Полтаве он оставил наш театр и поступил в музыкальную школу. Овладев несколькими оперными партиями под руководством опытного педагога Левитского, он с большим успехом выступил перед полтавской публикой. Потом, завершив вокальное образование у известного киевского профессора Е. А. Муравьевой, поступил в харьковскую оперу и, наконец, стал солистом Большого театра в Москве.

Так начинал когда-то свой путь в искусстве сын украинского народа, выдающийся мастер советской оперной сцены — народный артист СССР Иван Семёнович Козловский», — вспоминал впоследствии Марьяненко.

Надо сказать, что об этом не забывал не только Иван Александрович, но и Иван Семёнович. Не помню сейчас точно, в каком году в послевоенном Харькове отмечался юбилей Марьяненко. В переполненном зале Театра имени Т. Г. Шевченко собрались многочисленные почитатели таланта замечательного актера. Одна делегация сменяла другую, все шло как обычно. И вдруг без всякого объявления оркестр заиграл знакомую мелодию и на сцену вышел Иван Семёнович. Правда, в концертном костюме, но с соломенной шляпой на голове. И исполнил арию Петра из оперы Н. Лысенко «Наталия-Полтавка».

Трудно передать, что произошло с залом. Однако наибольшее впечатление появление Козловского, как мне показалось, произвело на самого юбиляра. От неожиданности он лишился дара речи. Хорошо, что в тот момент ему и не нужно было ничего говорить. А когда гость, кончив петь, снял шляпу и низко поклонился Ивану Александровичу, Марьяненко встал и они так крепко обнялись, что, казалось, их нельзя будет разнять никогда.

Обязательность Козловского по отношению к людям, однажды повстречавшимся на его пути, могла бы стать темой специ-

ального исследования. Я же ограничусь всего несколькими примерами.

Еще не существовало никаких фондов культуры, и само слово «благотворительность» не вернулось в наш лексикон, а Иван Семёнович начал устраивать концерты в Москве, и весь сбор от них направлял на организацию музыкальной школы в родном селе Марьяновке.

Когда стало известно, что дом в Киеве, в котором долгие годы жила великая украинская актриса М. К. Заньковецкая, подлежит сносу, Козловский в буквальном смысле слова поставил на ноги всю общественность Украины и России и добился своего: сегодня на Красноармейской улице заново построен дом, точь-в-точь такой же, в котором жила Мария Константиновна. Теперь сюда может прийти каждый, кто любит театр, чтобы своими глазами увидеть мир, окружавший первую актрису украинской сцены, пленившую когда-то Толстого и Чехова.

С 1926 года Козловский жил и работал в Москве. Но не было и не могло быть таких гастролей украинских театров в столице, чтобы Иван Семёнович не удостоил их своим вниманием. А уж что касается Полтавского театра, сколько вечеров он выступал в Москве, сколько раз Козловский и был в зале.

Несколько лет назад в Москве состоялся торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения великого реформатора украинской сцены Леся Курбаса. Устроители знали, что Иван Семёнович не совсем здоров. Но на всякий случай послали ему приглашение. И Козловский не просто пришел, но и выступил, став, естественно, украшением вечера. И так всегда!

В 1962 году в Центральном Доме актера имени А. А. Яблочкиной отмечалось 60-летие со дня рождения замечательного театрального критика Ю. И. Юзовского. Козловский охотно согласился принять участие, но попросил, чтобы ему аккомпанировала К. А. Эрдели. Она оказалась нездорова, и тогда начали возникать какие-то невероятные, хотя и очень интересные проекты — от квартета арф до трио, хора или оркестра. Две недели мы пытались выполнить указания Маэстро, но за несколько часов до начала вечера поняли, что у нас ничего не получится. И честно сказали об этом. Каково же было наше удивление, когда в разгар юбилея за кулисами появился Иван Семёнович в сопровождении своего друга, великолепного гитариста Александра Михайловича Иванова-Крамского. Оба закутаны с головы до ног — в тот день был лютый мороз под 30 градусов — с единственной просьбой: немедленно на сцену!

Иван Семёнович спел «Белеет парус...». И надо было видеть и слышать, с каким подтекстом он произнес: «А он, мятежный, ищет бури, как будто в буре есть покой», намекая на судьбу недавно еще опального критика-«космополита».

Я бы мог множить и множить примеры, но хочу закончить эти заметки словами Ильи Григорьевича Эренбурга: «...Я думал, что так же тщетно беседовать с певцом, как разглядывать соловья. Иван Семёнович Козловский разбил мои невежественные представления. Я уже не говорю о том, что в его исполнении столько же мыслей, субъективных толкований, суждений, сколько у выдающегося драматического актера; но и в жизни он — один из самых тонких художников нашего времени».

Борис ПОЮРОВСКИЙ
Фото А. НАТРУСКИНА

